

Вместо дневника

22 июня

22 июня 1941 года у меня была консультация по географии Германии. Я изучала этот предмет, так как я была студенткой первого курса немецкого факультета МГПИЯ (Московский государственный педагогический институт иностранных языков, ныне лингвистический университет). Когда я шла по коридору института, то вдруг услышала необыкновенно тревожные сигналы по радио. Я остановилась и услышала сообщение Молотова о том, что сегодня утром фашистская Германия без объявления войны напала на нашу страну и перешла нашу западную государственную границу по всей линии фронта от Балтийского до Черного моря. Я вошла в аудиторию, молча села за стол и слушала, потому что консультация уже началась. Задавались обычные вопросы. Но когда одной студентке был задан вопрос: «Какой политический строй в Германии?» и студентка ответила, как мы тогда учили: «диктатура национал-социализма», я не выдержала, встала и громко сказала, что в Германии диктатура фашизма и что Германия сегодня в 4 часа утра без объявления войны напала на нашу страну. Консультация прекратилась, так как у многих студентов были военные отцы, братья, женихи. Одни побежали к телефону, другие домой. Многие не знали, что делать.

С 1 июля, меня, как члена бюро комсомола, направили с большой группой студентов на строительство метро. Работали мы вручную на большой глубине до 50 метров. Работали мы разнорабочими. Нам выдали форму метростроевцев: комбинезоны, каски, ботинки. Мы копали, откачивали воду, которая непрерывно капала на голову, носили кирпичи и растворы и даже сами бетонировали.

Мы работали напротив Главпочтамта на улице Кирова (Мясницкая) у часовенки. Мы находили захоронения различных священнослужителей, полуистлевшие гробы, остатки одежды. Вдруг мы наткнулись на горы черепов. Тогда мы поняли, что это было лобное место у Мясницких ворот. Ребята перебрасывались черепами, как мячиками, а я была в ужасе. У меня буквально бегали мурашки по коже.

Однажды, на улице Кирова, мальчик, который гулял с мамой, увидев группу наших студентов, спросил ее: «Мама, что это за

люди?» Мама ответила: «Это, сыночек не люди, это метростроевцы».

Параллельно с учебой, мы дежурили на крышах в институте и в общежитии. Так продолжалось до половины октября. С 1-ого сентября начались занятия в институте.

Октябрь 1941

В октябре резко усилились бомбардировки г. Москвы. Отдельные самолеты немцев прорывались в город. На моих глазах один самолет спикировал на улице Горького и обстрелял очередь между гастрономом и кафе-мороженое, которые находились во втором здании от Манежной площади в самом центре Москвы. Было убито и ранено много людей, в основном женщин и детей. Во время бомбежек мы дежурили на крышах и чердаках ночью в институте, а днем строили укрепления на Садовом кольце у Крымской площади. Зажигалки (зажигательные бомбы) бросали каждую ночь. Мы их подбирали щипцами и бросали в бочки с песком и там их тушили. На крышу должен был прийти профессор языкознания Н.С. Чемоданов, но у него не оказалось каски. Стали искать и увидели, что у ректора института Столпова, рост которого 203 см, на голове оказались две высоких металлических каски. Во время бомбежек в некоторых домах появились световые сигналы голубого или желтого цвета. Их давали какие-то агенты. 8-этажный корпус общежития нашего института находился в Петроверигском переулке, дом 6-8 близь улицы Маросейка. Напротив него было желтое такое же здание, в котором размещалось Министерство судостроительной промышленности. Из этого здания часто шли голубые сигналы во время бомбежек. Однажды поздно ночью после дежурства в институте, я вернулась в общежитие. Оно было закрыто. Туда никого не пускали, т.к. в наше здание попала бомба. Я жила, как все первокурсники, на 8 этаже общежития без лифта. Бомба попала как раз в угол моей комнаты. Все обрушилось на мою подушку и тумбочку. Мои вещи, книги, а главное мои стихи, пропали безвозвратно. Однако стихи с выпускного вечера сохранились в моей душе и помогали мне преодолевать трудности на войне и в жизни.

« Все дороги пред нами открыты
Выбирай и иди по любой
Можешь быть ты артист знаменитый,
Или в воздухе славный герой.
Можешь быть ты учителем в школе,
Обучать наших славных ребят.
Можешь быть агрономом ты в поле,
Где комбайны простор бороздят.
Можешь строить больницы и шахты,
Строить фабрики, школы, мосты.
Знай одно только, где бы ты ни был,
Будешь Родине полезен ты.

Это были наши идеалы, с которыми мы жили, несмотря на всю тяжесть жизни. Из нашего класса вышли артисты и учителя, генералы и врачи, инженеры. Мы все очень хотели учиться. Мы учились после войны, хотя многие были и контужены и ранены, некоторые умирали от туберкулеза. Мы жили впроголодь. Все питались по карточкам, но добивались своей цели. Война меня не вдохновляла, она убила во мне поэзию. А после войны мне сказали, что я разучилась писать стихи и я их больше не писала.

13 октября у нас было комсомольское собрание, и мы приняла решение идти в народное ополчение. Два дня 14 и 15-ого октября я ждала повестку, а 16-ого октября решила поехать в институт, но метро не работало и я пошла пешком. Улицы были запружены людьми. Они казались черными, потому что большинство из них были одеты в черное. Некоторые фабрики и заводы прекратили работу, из-за того, что были эвакуированы. Я проходила мимо мыловаренного завода. Оттуда выбрасывали ящики с мылом и народ разбирали их. Так же было и на макаронной фабрике. Машины, груженные всяким домашним скарбом, пытались выехать из города в восточном направлении, но дорога была забита, и военные никого не пропускали. По улицам шли сотни тысяч людей.

Пятый курс занимался без перерыва на каникулы до 15 октября. 15 октября им должны были вручить дипломы. В 11 часов кто-то позвонил ректору института по телефону, и он, взяв с собой партогра института и заместителя декана немецкого факультета, уехал на машине в г. Киров (Вятка).

Когда я пришла в институт, там были, в основном, иногородние студенты. Магазины были закрыты, столовые не работали, стипендию не выдавали, и мы не знали, что нам делать. На моих глазах две студентки из Львовской области сошли с ума. Секретаря парткома и никого другого в парткоме не было. Мы, четыре студентки, члены и кандидаты партии, оказались одни в парткоме. В такой тяжелый момент мы сами решили, что должны взять на себя обязанности руководства институтом. Старшей из нас была студентка 4-го курса французского факультета Романова Нина, ей было 21 год. Муж у нее погиб на финской войне. Ее мы назначили ректором института. Она пробыла ректором больше года. Парторгом назначили студентку 3-го курса немецкого факультета Веру Соловьян. Председателем месткома назначили студентку того же курса Дору Эпштейн, а меня назначили секретарем комитета комсомола. Мы все пошли во Фрунзенский райком партии. Там нам сразу дали задание: строить укрепления на Садовом Кольце у Крымской площади, ставить ежи и мешки с песком и т.д. Мы должны были собрать и организовать студентов на эти работы. Нам обеспечили питание, затем выдали теплую одежду, телогрейки, ботинки, варежки, носки. Через несколько дней в райкоме партии нам сказали, чтобы мы готовили институт к эвакуации в город Космодемьянск на Волге в Чувашии.

Л-2

В это время в здании института разместился штаб отряда истребителей танков, дивизии народного ополчения. Я. Вера Соловьян и Дора Эпштейн вступили в этот отряд. Нас зачислили в санитарное отделение. За 10 дней мы должны были пройти боевую подготовку: изучить устав, ружье (противотанковое), научиться стрелять, бросать гранаты и по тревоге, быстро, за 50 секунд одеться, одеть противогаз, обуться и встать в строй. Сроки для подготовки в отряде истребителей танков были явно недостаточными. О том, как бросать связки с гранатами, нам едва успели рассказать. Мы познакомились только со схемой фугасной гранаты Ф-2. Бросать нам дали сразу связку гранат. Первая же из нас бросила связку гранат на 3-4 метра впереди себя. Раздалась команда командира: «Вдавься в землю». Но мы сделали это, не дожидаясь команды. Нас оглушило, минут 10 пролежали

неподвижно. Мы не могли шевельнуть ни рукой, ни ногой. Шквал осколков пронесся над нами. К счастью никто из нас не пострадал. Это было наше боевое крещение. В народном ополчении были люди разного возраста и профессий: ученые, учителя, рабочие. У нас был профессор 2-го медицинского института Гинзбург и его сын девятиклассник, сотрудники министерств и прачки и т.п. Больше месяца этот отряд участвовал в обороне Москвы около Кунцево. Первым из нашего отряда погиб на глазах у сына во время артобстрела 60-летний профессор Гинзбург, просто потому что ему, конечно, было трудно добежать даже до укрытия или просто упасть на землю. Потом наш отряд был расформирован с учетом возраста, образования и общей подготовки. Из нашего отряда была образована группа, которую нужно было забросить в тыл врага. Командиром этой группы был назначен наш командир отряда, а его заместителем по политчасти майор Завелевич. В эту группу входили наиболее подготовленные бойцы отряда, в том числе две девушки. Нина Медведева – радистка. Она была радисткой полярной экспедиции и была награждена еще в мирное время медалью «За отвагу». Тоня Разумова – фельдшер, которая отлично стреляла из пулемета. Этот отряд забросили в тыл врага под Волоколамском. Было холодно, так как был уже конец ноября 1941 г. Отряд имел задание пробраться в тыл врага в районе г. Волоколамска и там разрушать железнодорожные пути и линии связи. Девушки чаще других ходили в разведку, а иногда добывали продукты. Группа успешно выполнила задание и должна была вернуться. Они были уже недалеко от расположения наших войск у Волоколамского шоссе. Вдруг они увидели стог сена и решили отдохнуть в этом стогу. Вместо воды они слизывали снег с кустарников и деревьев. Здесь их окружили фашисты-лыжники. Тогда Нина Медведева, Тоня Разумова, Десятков и молодой учитель Ваня Вихарев, те кто были посильнее, решили попробовать бежать. Они спрыгнули со стога через головы фашистов и побежали в лес, а остальные остались их прикрывать. Таким образом, четверым удалось спастись. Все это мне рассказала Нина Медведева.

Меня же после переформирования назначили политруком сандружины Фрунзенского района города Москвы. Там мы дежурили посменно на разных объектах. Эта дружина только формировалась. Девушки в ней были самые разные, все они были совершенно неподготовленные, а я в отличие от них была уже в

форме и имела некоторый опыт. Мне приходилось учить их ходить строем и обращаться ко мне по уставу: «Товарищ политрук, разрешите обратиться», но главное надо было научить их спокойно переносить бомбежки и помогать раненым и больным. Мне надо было самой становиться командиром, так как ни один командир не мог справиться с этими девушками, водить их строем, что для меня было большой проблемой, так как я сама человек сугубо штатский. Я спускалась в подвал и там сама себе командовала, налево, направо и т.д. Строем надо было ходить в столовую три раза в день. Тех девушек, которые больше всего боялись бомбежек, я назначала дежурить на крышу, чтобы они скорее привыкли к бомбежкам и могли ориентироваться во время объявления тревоги, т.к. были девушки, которые сами падали в обморок во время налетов. Вскоре дружина стала работать слаженно.

5 декабря 1941 г.

День конституции 5 декабря был для нас до войны большим праздником, который отмечали все, несмотря на обстановку. Его тогда называли днем сталинской конституции. Торжественно готовился к нему и полк связи, который стоял недалеко от нас. Командир полка пригласил нашу дружину на вечер и велел приготовить художественную самодеятельность. Таланты конечно имелись. Я помню, что играла «В ритме вальса все плывет» Дунаевского из кинофильма «Цирк». Накануне на линейке я строго разобрала всю нашу работу и сказала, что только если все наши недостатки будут устранены, мы сможем принять участие в вечере. Но ведь кто-то должен остаться на дежурстве. Тогда я нашла возможность компенсировать дежурным неучастие в вечере талонами в баню в Москву после дежурства. Однажды я тоже поехала по такому увольнению в баню в Москву. Но там я узнала, что в Большом театре дает концерт наш любимый певец Лемешев и конечно вместо бани я пошла на концерт. Лемешев успел спеть одну или две вещи и объявили воздушную тревогу, нас попросили одеться и пройти в метро. Большой театр был эвакуирован в г. Куйбышев и поэтому концерт в Большом театре был большой редкостью. 5 декабря вечер прошел очень хорошо. Была прекрасная самодеятельность и интересная игра в почту. 7.12.41 раздался звонок, я взяла трубку и услышала незнакомый голос. «С Вами говорят из штаба обороны города Москвы» Было уже около 9-ти

часов вечера, на улице мороз около 40 С , а мне было приказано немедленно явиться в штаб обороны Москвы, который находился на улице Степана Разина в центре Москвы. Транспорт не работал, и я пошла пешком. Москва не освещалась, была полностью затемнена. Изредка меня останавливали патрули, где-то я попала в комендатуру вместе с начальником. В 3 часа ночи я, наконец, прибыла к месту назначения, но там я долго не могла найти, куда мне войти, т.к. всюду было темно и закрыто. Наконец я увидела, что дин военный зашел в подвал и оттуда не вышел. Я пошла по его следам. Я вошла в подвал этого здания, там дежурил милиционер. Там меня ждали. Меня водили из кабинета в кабинет, говорили со мной то по-русски, то по-немецки, задавали разные политические вопросы, давали мне переводить с русского на немецкий и с немецкого на русский. Утром мне объявили, что меня назначили инструктором политотдела 64 армии по работе среди войск и населения противника. 64 армия тогда называлась еще 1-ой резервной. Штаб 64 армии находился в то время в Царицино в огромном здании дворца, не было ни одного целого стекла, стены были разбиты и мы работали и жили на морозе. Вскоре наша армия приняла участие в наступлении наших войск под Москвой, начавшемся 6 декабря 1941 года. Появились первые пленные. Особенно мне запомнился первый пленный. Это был майор медицинской службы, из СС. На нем была очень длинная шинель, фуражка с кокардой, перевязанная теплым платком. На одной ноге был хромовый сапог, а на другой мешок, перевязанный веревкой. Он сидел на стуле и дергался. «Господин доктор – спросила я – что означает Ваше поведение?» «Извините, вши заели», был ответ. Для немцев это было что-то непонятное. Они фотографировали вшей и даже посылали эти фото в письмах домой. Этот доктор был убежденным нацистом. Он изложил 12 аргументов в доказательство того, что Гитлер обязательно должен выиграть войну. Больше таких убежденных нацистов я не видела.

После разгрома фашистов под Москвой наша армия приняла участие в обороне г. Тулы. Весной в мае 1942 года наши войска освободили Ясную Поляну – родину Л.Н. Толстого, где до войны был музей Л.Н. Толстого. Немцы захватили и осквернили могилу Толстого, похоронив вокруг могилы Толстого своих солдат. Отступая гитлеровцы подожгли музей-усадьбу писателя, но хранители музея быстро потушили пожар. Они старались

сохранить каждую вещь. Я помню видела там кушетку, на которой родился Л.Н. Толстой, сапоги, которые он сам сшил и получил за них от князя Галицина пять рублей золотом и взял с него расписку, что он честно заработал эти деньги.

Фашисты не пощадили и школу, которую построил и в которой Л.Н. Толстой учил яснополянских детей. Школу подожгли, но ученики школы ее быстро потушили. Было еще много жителей, крестьян и крестьянок, с которыми работал Л. Толстой а поле. Он работал ежедневно по 8 часов в день. После такой физической работы он особенно много писал. Все старожилы Ясной Поляны его хорошо помнили. Среди инструкторов нашего отдела был капитан Теплов, который до войны был научным сотрудником в музее. После освобождения Ясной Поляны, его вскоре отозвали работать в музее Л.Н. Толстого.

На торжественное открытие музея прибыли члены государственной комиссии по расследованию преступлений немецко-фашистских захватчиков: писатель Алексей Николаевич Толстой, двоюродный брат Л. Толстого; академик-историк Белкин, дочь Л. Толстого, внучка Татьяна и другие родные Толстого.

Алексей Толстой интересовался работой нашего отдела, посмотрел немецкие журналы и газеты, документы, наши листовки и беседовал с работниками нашего отдела. Он говорил, что хотел бы, чтобы сохранились лучшие обычаи и традиции русского народа, чтобы в деревнях построили новые дома со всеми удобствами, чтобы в городах построили дворцы бракосочетания.

Дивизии нашей армии освобождали г.Сталиногорск под Москвой и участвовали в наступлении на г.Ельню. Но общая обстановка на фронте ухудшалась, т.к. немцы предприняли наступление на юге на Дон и на Сталинград.

2 июля 1942 г.

Мы проводили совещание инструкторов политотделов дивизии. Перед обедом вдруг объявили тревогу. Нужно было срочно строиться. А у меня в этот день был день рождения, мне исполнилось 20 лет, и наши машинистки нарядили меня в коричневый панбархатный костюм и приколотили живую розу. Когда была объявлена тревога, меня повсюду искали и требовали, чтобы я встала в строй, а я в таком виде не могла, конечно, показаться на глаза начальству. Случайно в прихожей отдела партучета оказалась

открытой дверь и я одела там чью-то шинель, которая оказалась очень длинной, до пола, так что меня не нашли.

В столовой в обед нам выдали торжественно традиционные сто грамм водки по случаю победы под г Ельня, во взятии которой участвовали подразделения нашей армии. В этот день нам объявили, что нас направляют на Сталинградский фронт. Везли нас в эшелонах, в товарных вагонах, через Донские степи. Над нами летали вражеские самолеты, бомбили и обстреливали наши поезда. Самолеты долго не давали выгрузиться на нужной станции. Нас высадили по плану на станции Прудбой среди степей, где росли только полынь и бурьян. В этих степях не было воды, колодцы находились на расстоянии несколько километров друг от друга. Когда люди подходили к колодцу и брали воду для себя, машин, то они быстро вычерпывали всю воду до дна. Кроме военных по степи шли люди и гнали скот из под Ростова на Дону. Они шли много дней, у некоторых на руках были дети. Ночью и днем немецкие самолеты бомбили наши позиции и железнодорожные станции. Наш штаб разместился на хуторе Советский. Дом, в котором разместилось наше отделение, был рядом с железнодорожной станцией. Мой начальник сразу сказал, что будет ночевать на другом конце хутора. В конце августа в 10-11 часов вечера ко мне подполз красноармеец и попросил сделать перевязку комиссару, раненному в голову. Я велела ему ползти в огород, где у нас было вырыто бомбоубежище, а я побежала за санитарной сумкой в хату. В это время резко усилилась бомбежка, и хата стала ходить ходуном. Сотни самолетов, которые не сумели пробиться к Сталинграду, обрушились на нашу станцию, как бабочки на огонь. Затем начали взрываться составы с горючим, с боеприпасами и другими грузами. Когда я пришла в бомбоубежище, оно было набито ранеными. Моя квартирная хозяйка, донская казачка, у которой было шестеро детей, помогала мне перевязывать раненых и принесла все свое постельное белье, рвала и резала его на бинты. Утром я добилась, чтобы пришла машина и увезла раненых под Сталинград.

Х 5а

20 августа меня направили в командировку в Сталинград, где находилось политуправление фронтом. Это был большой

промышленный город, живописно расположенный на правом берегу Волги с множеством аллей и парков. В городе был красивый театр, вокзал и рядом с ним был музей обороны Царицына и большой универмаг. Вдоль берега тянулись многочисленные промышленные предприятия, среди которых был самый большой тракторный завод. Дети играли, люди гуляли, загорали на пляже и купались. Много дней и ночей десятки немецких самолетов пытались прорваться к городу, но их не подпускали близко наши зенитки. Но вот в 20-х числах августа немцам удалось разбомбить наши транспорты на Волге и склады боеприпасов, и тогда вдруг замолчали наши зенитки, т.к не было больше снарядов.. Город остался без защиты. 23 августа на город обрушились сотни самолетов, его бомбили день и ночь. Город горел, он был почти разрушен, погибли тысячи мирных жителей в домах и бомбоубежищах, уцелели люди лишь в щелях, вырытых во дворах и на улицах. Вся авиация немцев была брошена на наши позиции на Дону.

Наши войска стойко держали оборону на Дону, непрерывно отражая многочисленные атаки противника и прорывы на разных участках фронта. Но в конце августа немцам удалось в районе Калача сконцентрировать такое количество авиации, танков, артиллерии и другой техники, что наша оборона была прорвана. Наши дивизии вынуждены были оставить свои позиции на Дону. Одни части должны были сражаться с прорвавшимися танками, другие наводить мосты и переправлять технику через Дон. Переправой руководил зам. Командующего армией по артиллерии генерал Брауде. При всех возможных переправах отступление было очень тяжелым, учитывая, что авиация непрерывно бомбила наши части с воздуха. Мы понесли очень большие потери. Бойцы вынуждены были по команде переправляться вплавь. В этих боях погиб генерал Брауде, зам. Начальника политотдела по комсомолу Александр Павлов из Оренбургского обкома комсомола, 24-х лет, у которого была свадьба 29 июня 1941 года. Над ним долго подтрунивали товарищи: «Расскажи нам Саша, ты женат или не женат?». За Доном я видела потрясенных и рыдающих командиров дивизий, которые вынуждены были давать команду отступить и бросать технику. Я их знала в лицо, поскольку как инструктор ездила в командировки по дивизиям. (Среди них был и командир дивизии, молодой полковник Вениамин Сорокин. Он после войны

попал в Куйбышев). Но им нужно было закрепляться на новых рубежах и думать, как отражать непрерывные атаки противника и как сдерживать наступательный пыл врага.

Немецкие танки ворвались в г.Калач. 30 августа нам, штабу армии и политотделу, пришлось отступить к Волге. Это был страшный блиц-драп, но к счастью для меня единственный за всю войну. Этот отход усугублялся еще для нашего отдела тем, что трус-начальник удрал один на нашей грузовой машине. За это он был снят с должности. Нам пришлось очень трудно. Хорошо еще, что нас подбирали другие отделы. Самолеты нас бомбили, танки шли за нами следом. Наконец мы закрепились на окраине города Сталинграда. Началась тяжелая оборона.

Не могу не вспомнить такой эпизод под Сталинградом. Наш политотдел находился недалеко от берега Волги. Нам привезли обед и стали раздавать первое. В это время немцы начали минометный обстрел. Мины рвались где-то посередине реки. Мы не обращали на это никакого внимания. Принесли второе. Мы стали поторапливаться и уходить подальше. Снаряды продолжали пролетать мимо. Но вдруг одна мина разорвалась среди нас. Были убиты зам. редактора армейской газеты майор Бочаров, машинистка Лида и писатель М. Мы похоронили их в канализационном колодце у большого дома. Спустя 2 дня из политуправления фронта все-таки прибыло три гроба. Ранено было восемь человек, в том числе инструктор нашего отдела аспирант Ленинградского университета капитан Селивахин. Он был ранен в плечо. Через 2 дня, когда я поехала в госпиталь, который находился недалеко от редакции в городе Ахтуба, я его не могла найти. Оказалось, что он уже умер. Он был очень выдержанным, он конечно не кричал. Как многие другие он видимо погиб от заражения крови.

В одном из боев осенью был сбит летчик асс - граф Генрих фон Айнзидель, внук Бисмарка, на счету которого было 35 сбитых самолетов. Оказалось, что как аристократ, он критически относился к Гитлеру и подчеркивал, что его дед говорил, что Германии никогда не надо воевать с Россией. Летчик Генрих фон Айнзидель очень беспокоился о своей матери, т.к. она не знала где он и что с ним. Наше командование посоветовало ему написать письмо. Это был единственный способ сообщить о себе. И только из этого письма-листовки мать сможет узнать, что он жив, т.к. она дошла до

Германии и эта листовка была с его фотографией. Эту листовку я корректировала и они были отпечатаны в тысячах экземпляров и она действительно дошла до Германии. Как инструктор 7 отдела политотдела армии. Я должна была регулярно составлять передачи для нашей радиоустановки, которая называлась «мощная громкоговорящая установка – МГУ». Для того чтобы составлять эти передачи, я ежедневно должна была слушать сводки Германского Верховного командования, речи Геббельса и другие политические передачи и переводить их или составлять информации для командования. Из опросов пленных мы также выбирали материалы для наших передач. Кроме этого из переведенных трофейных документов мы также получали материал для составления радиопередач о политико-моральном состоянии противника. Когда МГУ приезжала в часть, чтобы вести радиопередачу, нашу машину старались поставить подальше от расположения наших бойцов. Как только мы начинали передачу, нас тут же начинали обстреливать и освещать ракетами и иногда даже причали:»Рус! Плати за освещение». Под Сталинградом нам дали самолет У-2, на котором также была радиоустановка. Он был один на весь фронт. На самолете летал постоянный диктор. Один пленный как-то спросил меня: «Фрейляйн, комиссар, объясните мне, пожалуйста, как это у Вас у русских тракторы летают?» Такая работа велась по всей линии фронта. В дивизиях были окопные громкоговорящие установки – ОГУ, а в полках работали рупористы. Кроме того, с самолетов разбрасывали листовки, которые мы составляли или получали из Москвы. Под Сталинградом у нас погибли представители главного политуправления, которые приехали в командировку. Среди них полковник Самойлов. Позже под Орлом погиб инструктор орг. Отдела капитан Евтюхов – специалист по Лермонтову, антифашист Пауль Миллер. На Дону отступление было приостановлено.

Из отступавших войск была создана 62 армия под командованием генерала Чуйкова. Этому способствовал приказ ставки – И-100, согласно которому отступающие бойцы и командиры разрозненных частей больше не должны были искать свои части, а из них формировались новые подразделения. Эти части стойко отражали все атаки противника.

8 ноября 1942 г.

8 ноября я в очередной раз переправлялась через Волгу, т.к. редакция и типография находились на левом берегу в г. Верхняя Ахтуба. Переправляться приходилось то на катере, то разбивая лед. Когда я приехала в политотдел армии, он находился в блиндажах. В это время снаряд попал в соседний блиндаж и загорелся. Пожар охватил все вокруг. Была команда вынести из нашего блиндажа все документы и вещи. При зареве пожара я увидела, что мы находимся на самом берегу Волги и берег здесь такой же, как в моем родном Куйбышеве (Самаре) и у меня создалось впечатление, как будто я на короткое время повидала свой дом. В это время были сильные морозы, метели и снежные бури. Снабжение было сильно затруднено. Кормили пшеничным супом, селедкой даже в штабе армии. Помогало то, что хлеб все-таки был, и выдавали его по зимней норме (900 г. в день). Немцам часто доставляли продовольствие самолетами. Иногда на нейтральной полосе шли бои за продовольствие. Фашисты упорно рвались к Волге, но на участке 64 армии им не удалось нигде прорваться. Упорные бои шли за каждый этаж, за каждый подвал. Это были самые тяжелые дни обороны под Сталинградом. Хотя они на одном участке и прорвались к воде, но пить воду из Волги им не удалось.

Накануне годовщины октябрьской революции мы все чаще выезжали в разные подразделения, проводили там беседы и поздравляли бойцов и командиров с 25 годовщиной Октября. Мне пришлось быть в части, где фронт проходил по цокольному этажу одного большого дома довольно длительное время. Бойцы молча менялись местами, заползали на свои позиции, как можно тише. Нельзя было ни шевельнуться, ни разговаривать, ни курить, но нужно было держать оборону и на все реагировать быстро и осторожно с учетом обстановки.

19 ноября.

19 ноября мы узнали, что переходим в наступление. После длительной и тяжелой обороны это было для нас неожиданным и радостным событием, и мы прыгали от радости, как дети. Наступление было подготовлено очень скрытно и организовано настолько хорошо, что удалось прорвать оборону на участке, где находились румынские дивизии, и за два дня было завершено окружение 6-ой немецкой армии под командованием фельдмаршала Паулюса. Эта операция была проведена двумя

фронтами: Донским и Сталинградским. Было взято много пленных и документов. Для сортировки этих документов в мое распоряжение был выделен весь резерв политотдела армии. Они должны были сортировать документы по номерам дивизий и по числам, чтобы я могла выбрать самые важные и быстро перевести их для нашего командования. 19 ноября был сбит немецкий самолет, который летел в Германию. В нем было несколько полковников и генерал, документы, почта и в том числе не отправленное письмо другого генерала к жене, где он писал, что положение их теперь очень тяжелое, хуже, чем в 18 году и просил молиться за него. Первую часть письма я перевела быстро, перевод же второй части этого письма был очень затруднен из-за неразборчивого почерка и мелкого готического шрифта. Даже пленные офицеры-немцы не могли его прочесть, а Москва требовала срочно перевод. Каждые 30 минут звонили из ставки Хрущева, который был членом военного совета фронта и требовали перевод. Н.С. Хрущев написал листовку от имени немецких военнопленных, которая начиналась словами: «Братья, немцы!» и содержала много других специфических русских выражений, над переводом которых мне пришлось поломать голову.

Окруженная 6 армия немцев предпринимала отчаянные попытки вырваться из окружения. По всему фронту шли жестокие бои. Гитлер бросил на помощь немецкой армии мощную армию генерала Манштейна и танковую армию Гудериана. С нашей стороны участвовали армии бывшего Донского фронта, новые дивизии из Сибири, много танковых дивизий и особенно много артиллерии; на 1 км. Линии фронта приходилось 70 и более орудий. Наиболее упорные бои шли в районе станции Абганерово и в районе Котелникова. Разгорелось грандиозное Сталинградское сражение, которое шло непрерывно дни и ночи. Немецкие самолеты постоянно бомбили все с воздуха, снег горел. Немцы разбрасывали для своих солдат листовки с призывом: «Держитесь! Фюрер Вас спасет!» Разбрасывались газеты и письма, написанные на разных немецких диалектах с обращением земляков держаться во что бы то ни стало. В Германии и сейчас любят говорить между собой на диалектах, на литературном языке говорят при официальном общении. Нельзя не упомянуть, что битва шла во время страшных метелей и пурги. Морозы достигали 48-50 градусов С. Раненые замерзали на снегу. Контрнаступление

гитлеровцев и все их многочисленные контратаки были успешно отбиты.

Немцы нашего наступления не ожидали. Они рассчитывали зимовать под Сталинградом. Они заставляли наше население строить для них добротные блиндажи из бревен и строганных досок и обеспечить их на зиму дровами. Офицеры позволяли себе спать в одних немецких ночных рубашках до полу. Так среди первых пленных был старик сине-черный весь в одеялах, это оказался офицер 21-го года. Ночью мы мчались по заснеженной степи, пытаясь найти дорогу в метель. Вдруг мы при свете фар увидели регулировщика в степи. Мы подъехали, это оказался замерзший немец.

25 декабря 1942

Летом был сбит полковник-летчик и представитель разведотдела фронта хотел добиться, чтобы он сказал, что на одном аэродроме у них находится не более 60 самолетов, но полковник говорил, что есть 90 самолетов. И вот в ночь под рождество 25 декабря 1942 года, которое немцы безусловно праздновали, наши успешно заняли станицу Тацинскую и аэродром, на котором находилось 180 самолетов. Но когда под Новый год немцы предприняли контратаку, то лишь немногие самолеты могли подняться в воздух, так как с них сняли самые ценные части.

31 декабря, под Новый год у нас было предпраздничное настроение. Делегация из Узбекистана привезла нам подарки из Узбекистана. Нам дали по 3 больших яблока и пакетику орех. Все попытки немцев вырваться из окружения были отбиты. Нас собрали в блиндаже политотдела. Там было тесно и тепло. Военторг нам тоже сделал новогодний подарок, нам дали шикарную копченую селедку и сгущенное какао, конечно, за наш счет. У нас было много хороших музыкантов, один из сотрудников даже окончил Ленинградскую консерваторию. Меня попросили сходить в бункер к начальнику политотдела армии и попросить у адъютанта аккордеон. Адъютант начальника, капитан Яша Гладков стоял у дверей. Я изложила свою просьбу, и он уже хотел пойти, но вдруг я увидела, что дверь в большую комнату открыта, и за столом сидят генералы. Кто-то уже спросил, кто там? Я быстро сказала Яше, что ты меня не знаешь, и я тебя не знаю, и пустилась бежать по глубокому снегу в метель. Когда я вернулась в блиндаж, все

увидели, что музыки не будет и сразу запели песню, а мне поручили почетную миссию готовить и раздавать какао. Людей было много, и я за весь вечер так и не присела. Я, конечно, не забыла вспомнить Грибоедова «минуй нас пуще всех печалей, и барский гнев и барская любовь». Мы были воспитаны на принципе «Умри, а не дай поцелуя без любви». Большинство моих одноклассниц и девушек моего поколения прошли всю войну и жили по этим принципам.

8 января 1943 года вокруг 6-ой немецкой армии сомкнулось второе более плотное кольцо. Основные силы 6-ой армии были разбиты. Начинаясь ее штурм.

10 – января 1943 г.

Немецкой армии под командованием фельдмаршала Паулюса, окруженной в Сталинградском котле, был предъявлен ультиматум. Был послан парламентер майор Дятленко из политотдела фронта. Чтобы он достойно представлял Красную армию, ему достали новую меховую шапку, хромовые сапоги и дали белые перчатки. Которые с трудом раздобыли в драматическом театре. Его сопровождали: знаменосец с белым флагом и барабанщик. Немцы водили их целый день по разным штабам с завязанными глазами и отпустили, не дав никакого ответа. Ультиматум подписали Жуков и Воронов. Мы активизировали свою работу: ультиматум отпечатали в тысячах экземплярах и разбросали самолетами по всей линии фронта. На передовой, рупористы по ночам читали короткие сообщения, передавались программы по окопным и мощным радиоустановкам, пушки и минометы выстреливали снарядами листовками. Через три дня четыре немецких солдата сдались в плен. Это было очень важное событие, поскольку до этого немцы не верили в возможность сохранения жизни в Советском плену. Так на высоте 100.2 мы застали замерзших солдат. Мы уговорили этих солдат и они согласились вернуться в свой батальон, чтобы уговорить всех остальных солдат сдаться, чтобы они поверили в существование русского плена и в то, что жизнь им будет сохранена. Они не боялись вернуться в свой батальон, потому что они знали, что командир капитан Курт Майзель – учитель, а его заместитель был учителем средней школы. Они не были фашистами. Эти солдаты попросили только, чтобы им вернули погоны и зажигалки, т.к. если они при встречах с офицерами не

поднесут зажженную зажигалку, если это нужно, то сразу же попадут в комендатуру. Этот батальон в полном составе действительно сдался в плен во главе с капитаном Куртом Майзелем. Он отправил в тыл 2 молодых офицеров этого батальона, которые хотели сдаться. Для допроса этих пленных приехали начальник разведки Рыжов, начальник штаба армии и другие. Пленных встретили торжественно. Курт Майзель подтвердил наши данные о том, что им на день выдавали 50 гр. хлеба, 100 гр. воды и 100 гр. мяса. Очень важно было проверить правдивость тех разведанных, которые мы получали от пленных. Это помогало нам более конкретно составлять радиопередачи для противника. Мы вели картотеку и имели данные на командиров немецких дивизий и даже батальонов. О факте сдачи в плен батальона Курта Майзеля было напечатано в газете «Правда», но к сожалению, вместо Сталинграда было написано под Ленинградом. Это было очень обидно, т.к. в то время под Ленинградом было еще очень тяжелое положение.

Однажды, когда я осталась одна в блиндаже, все были на передовой. В 4 часа ночи я решила хоть чуть-чуть отдохнуть. Пленных увели и коптилка погасла. Когда я ее зажгла, то увидела, что весь пол блестит. Оказалось он был покрыт крысами. Но у меня от напряженной работы страшно болели глаза, и так хотелось спать, что решила забраться на стол и так уснула, будь что будет.

20 января 1943 г.

Шел непрерывный штурм группировки. В эти дни была окружена целая дивизия и взят в плен командир дивизии генерал Дреббер. Для беседы с ним приехал Артур Пик, сын секретаря Германской компартии Вильгельма Пика. Первый вопрос, который генерал Дреббер задал Артуру Пик: «Вы, рейхсдойчер (уроженец и житель Германии)?» «Да», - ответил Пик. «Что-то мне знакома эта фамилия», - сказал генерал. «Вы же были жандармский генерал, а в жандармерии наша фамилия хорошо известна» - ответил Пик.

22 января 1943 г.

Затем была окружена дивизия генерала фон Лойзера. Его адъютантом был обер-лейтенант, немец родившийся в Москве, который, конечно, думал о том, как ему спасти, в первую очередь, свою жизнь. Он убедил своего генерала в том, что существует

русский плен и что он сам согласен пойти парламентаром к русским. И, действительно, он пришел с белым флагом в сопровождении знаменосца и барабанщика. Он оговорил условия сдачи дивизии в плен. И дивизия организованно сдалась в плен. Наши генералы сами говорили с адъютантом, т.к. он отлично говорил на русском языке. Он безусловно хотел выслужиться перед Советским командованием, показать себя с лучшей стороны и поэтому он с большим пафосом говорил, что он пошел парламентаром не для того, чтобы спасти своего генерала, а для того, чтобы спасти хоть несколько русских жизней. Когда немцы подходили к Москве, он рассказывал, его сердце обливалось кровью. Он не хотел, чтобы Москву – его родной город постигла участь других городов, захваченных немцами. Поток пленных увеличивался так быстро, что политработники резервисты помогали мне сортировать пленных. Жаль, что они плохо знали числительные и не могли определять номера дивизий. Население голодало, некоторые даже замерзали на ходу, пробираясь в деревни за продуктами. Многие перебрались в землянки, т.к. нечем было отапливать дома. Перед концом битвы в землянках объединялось по несколько семей и обороняясь лопатами, топорами, не пускали к себе немцев, не отдавали им продукты.

29 января 1943 г.

29 января также была окружена и взята в плен дивизия генерала фон Дебца. Фон Дебц мотивировал свою сдачу в плен тем, что сдавшаяся ранее дивизия оголила его левый фланг. Он говорил, что фельдмаршал Паулюс не сдастся в плен, что он будет держаться до последнего.

30 января 1943 г.

Побывав ночь в плену, генерал Дебц сказал: «Если Вы сюда же поместите пленного Паулюса, то приготовьте, пожалуйста, другой топчан, т.к. этот очень короткий, а у Паулюса рост 2м.04 см. В эти же дни были взяты в плен так же два румынских генерала, командиры дивизий, которые два дня молчали, мотивируя это тем, что они не понимают ни по-русски, ни по-немецки. Когда же им сказали, что завтра будет переводчик с румынского, они заговорили на чистом русском языке. Это были бывшие белогвардейцы, служившие в румынской армии, которые по показаниям румынских

солдат подвергали их телесным наказаниям, разрешенным в румынской армии, и сами занимались рукоприкладством, в плену румынские офицеры обворовывали своих солдат. В листовках, которые мы составляли и разбрасывали за линией фронта, румынские солдаты просили написать, что в плену никто их не ругает и даже не бьют. Мне самой некоторое время приходилось составлять эти листовки. Был пленный журналист Путин, который хорошо знал немецкий язык, я ему диктовала текст по-немецки, а он переводил на румынский. Пленных румын было так много, что для румынских солдат ставили щиты с надписью на румынском языке: «Здесь сдаются в плен». Когда у щита собиралось много румынских солдат, их отправляли в штаб к полковнику Тюльпанову, начальнику отдела фронта иногда даже без конвоя. При этом румыны говорили «Рус, я предай...» и считали, что их поймут.

31 января 1943 г.

Наши разведчики давно замечали, что в подвале универмага находится какой-то штаб. Бригада, которой командовал генерал-майор Бурмаков, а комиссаром был подполковник Винокур, приблизилась к подвалу универмага. Винокур заговорил с немцами, но они отказались с ним говорить и вышел какой-то генерал и сказал, чтобы к ним прислали равных по званию, тогда они будут разговаривать. Кломандующий 64-ой армией генерал-лейтенант Михаил Степанович Шумилов узнав об этом, назначил комиссию во главе с начальником штаба армии генералом Иваном Андреевичем Ласкиным (по национальности – еврей) и членами комиссии: Сердюком – членом военного совета армии, начальником разведотделом полковником Рыжовым, комиссаром штаба полковником Б.Мутовиным и переводчиком А. Тетельбаумом для пленения штаба 6-ой немецкой армии. Как нам рассказывал полковник Мутовин, универмаг был завален нечистотами, т.к. немцы боялись себя обнаружить, они ничего не выбрасывали. Для нас был сделан вход через окно. Первым к ним вышел начальник штаба 6-ой немецкой армии генерал-полковник Шмидт. Он сказал, что Паулюс болен и сложил с себя обязанности командующего армией и передал командование двум командирам корпусов. Один из них командовал группировкой армии, находящейся в городе, а другой, генерал Роске – группировкой,

находящейся на территории тракторного завода. Группировка армии на тракторном заводе держалась до 2-ого февраля. Паулюс очень переживал, что он сдался в плен не последним. Комиссия потребовала. Чтобы фельдмаршал Паулюс вышел к ним. Шмидт сказал, что Паулюс просит подождать 20 минут, чтобы привести себя в порядок. По истечении 20 минут снова вышел генерал-полковник Шмидт и сказал, что Паулюс просит подождать еще 20 минут. Тогда члены нашей комиссии сказали, что они больше ждать не будут и вошли в комнату, где находился Паулюс. Они потребовали, чтобы Паулюс предъявил документы. Фельмаршал Паулюс сказал, что документов у него нет, т.к. звание фельмаршала он получил по радио. Документов на генерал-полковника у него тоже не оказалось. Единственное, что он смог предъявить нашему командованию это солдатскую книжку на имя ефрейтора Фридриха Паулюса. Следующий вопрос был: «Есть ли у Вас ампула с ядом?» Паулюс ответил: «Конечно. Шмидт дал мне ампулу с цианистым калием». Затем его спросили, хотел ли он принять яд. Паулюс ответил: «Ни в коем случае. Тогда бы они всю вину за поражение свалили бы на меня. А я трижды обращался к фюреру, доказывая ему нецелесообразность оставаться на зиму в Сталинграде». Это действительно было так, потому что я переводила такие радиogramмы, перехваченные в октябре, ноябре и декабре. В ответ на последнюю радиogramму ему было присвоено звание фельдмаршала, с намеком на то, что фельдмаршалы не имеют права сдаваться в плен. Шмидт и другие генералы очень беспокоились за свою жизнь. Они просили, чтобы впереди них шла грузовая машина и были очень перепуганы, когда недалеко от них разорвался снаряд. Паулюс держался спокойно, на вопросы отвечал очень кратко. Он сказал генералу Шумилову, что он никогда не мог подумать, что его возьмет в плен такой молодой генерал. Михаил Степанович Шумилов был высокий и широкоплечий, цветущий человек 47 лет, а Паулюс был очень высокий, седой, изможденный, ему было тогда 52 года. Паулюса вскоре переправили в штаб Рокоссовского. В это время другие армии Сталинградского фронта продолжали развивать наступление на западе и находились с армиями Воронежского фронта на 300 км. Западнее Сталинграда, так что 64 армия под командованием генерала Шумилова оказалась уже в глубоком тылу. Нам были переданы пленные со всего Сталинградского фронта – 91 тысяча человек. 2 февраля полностью

был решен вопрос группировки под Сталинградом, и было решено провести в Сталинграде парад победы. Премьер министр Англии Уинстон Черчилль сказал, что это еще не конец войны, но это начало конца, т.к. надломлен боевой дух немецкой армии. За два дня были собраны музыканты и некоторые части и пленные прошли между руин Сталинграда, несмотря на мороз 45-48 градусов. Парад прошел очень торжественно. В нас окрепла уверенность в том, что мы победим. Тысячи жителей города вышли на улицы. Когда проходила колонна военнопленных во главе с офицерами, немецкие солдаты были готовы наброситься на них за то, что они заставляли их держаться до последнего, а сами с легкостью сдались в плен, уверенные в том, что им будет сохранена жизнь. Наши солдаты должны были защищать пленных немецких офицеров от ненависти и справедливого гнева собственных солдат. Несмотря на все пережитое, наше население смотрело на них спокойно, испытывая гордость от того, что они увидели своих завоевателей в таком жалком виде и у них стало еще больше уверенности в нашей окончательной победе.

2 февраля 1943 года в Германии был объявлен 3-х дневный государственный траур. Все газеты и журналы вышли с огромными портретами фельдмаршала Паулюса на всю первую полосу в черной рамке. Фельдмаршал Паулюс был национальным героем Германии, он был награжден двумя рыцарскими крестами с бриллиантами, что является высшей наградой страны. Печатались портреты других генералов, также в траурных рамках. По радио звучала траурная музыка и зауспокойные молитвы. Во всех соборах и церквях проводились траурные богослужения. О факте сдачи в плен генералов, офицеров и солдат замалчивалось до конца войны. Сталинградская группировка немцев была разгромлена. Одержана историческая победа, изменившая весь ход войны. Многим армиям и дивизиям, участвовавшим в Сталинградской битве было присвоено звание Сталинградских и гвардейских. Такое звание получили: 62 армия генерала В.И. Чуйкова, 64 армия генерала М.С. Шумилова, 57 армия генерала Толбухина, 65 армия генерала Батова, 21 армия генерала Чистякова, и многие другие армии и подразделения наших войск. Мы в параде не участвовали, т.к. нас срочно перебросили на Северо-Западный фронт.